

1503—1510 годами (т. е. до присоединения Пскова, последнего из „уделов“, о необходимости присоединения которых писал автор „Извета“).¹

С. Л. Авалиани вернулся к точке зрения Бодянского. Усматривая в авторе „Беседы“ Вассиана Патрикеева, он датировал ее временем заключения этого князя-инока в темницу, т. е. 1531—1535 годами (до попытки секуляризации при Елене Глинской, о которых ничего не сообщает автор „Беседы“).²

Н. Петров рассматривал „Беседу“ как одну из подготовительных работ к Стоглаву,³ написанную около 1549—1550 годов. Он полагал, что за валаамскими чудотворцами скрываются два реальных лица: Адриан, игумен Андрусовской пустыни на Ладожском озере, и Геннадий Любимский, близкие к нестяжателям.⁴ А. С. Архангельский предположил, что первоначальный текст памятника представлял собой церковное поучение, своеобразное минейное чтение, появившееся в первой половине XVI века. Позднее на полях его противником вотчинного землевладения были сделаны полемические заметки (попавшие затем в текст) и добавлены „Извет“ и „Иное сказание“. Окончательную обработку „Беседы“ Архангельский относил ко времени до 1550—1551 годов, поскольку в ней упоминаются еще удельные князья, но нет сведений о реформах Ивана Грозного.⁵ Н. К. Гудзий в своей ранней работе отказался от попытки уточнить время написания „Беседы“.⁶

Обстоятельный критический разбор взглядов И. А. Стратонова, С. Л. Авалиани и Н. Петрова дал Г. П. Бельченко, который, однако, сам по вопросу о времени составления „Беседы“ вернулся к точке зрения В. Дружинина и М. Дьяконова.⁷ Особенно неудачной была попытка автора представить „Беседу“ соединением двух произведений: отрывка из поучения к инокам, откуда якобы взяты стр. 14—21 (по изданию Дружинина и Дьяконова) и некоторые другие места с поучением, обращенным к царям, публициста боярского направления.⁸ „Беседа валаамских чудотворцев“, несмотря на некоторую хаотичность изложения, представляет собой единое произведение, направленное против монастырского землевладения и участия иноков в политической жизни страны. Обе эти темы имеют двух адресатов: с одной стороны, царскую власть, с другой — монашествующую братию. Отсюда, естественно, обращение автора то к царям, то к монахам. Однако это отнюдь не дает права искусственно выделять отдельные куски „Беседы“ в два самостоятельных произведения. Никаких следов сшивки двух посланий, идейно-тематических или структурных противоречий между ними Бельченко не нашел.

¹ И. А. Стратонов. Заметки по истории земских соборов Московской Руси. Уч. зап. Казанск. унив., 1906, № 3, стр. 23 и сл.

² С. Л. Авалиани. „Беседа преп. Сергия и Германа, валаамских чудотворцев“ как исторический источник. Богословский вестник, 1909, № 3, стр. 380—381.

³ Н. Петров. „Беседа преп. Сергия и Германа, валаамских чудотворцев“. Филол. зап., 1905, вып. III—V, стр. 51—53.

⁴ Там же, стр. 31, 34.

⁵ А. С. Архангельский. Из лекций по истории русской литературы. Казань, 1913, стр. 282, 300 и сл. Взгляды Архангельского разделял В. Вальденберг (В. Вальденберг. Древнерусские учения о пределах царской власти. Пгр., 1916, стр. 301).

⁶ Н. К. Гудзий. К вопросу об авторе „Беседы преподобных Сергия и Германа, валаамских чудотворцев“. Русск. филол. вестн., 1913, № 3, стр. 159.

⁷ Г. П. Бельченко. К вопросу о составе и об авторе „Беседы преп. Сергия и Германа, валаамских чудотворцев“. Одесса, 1914.

⁸ Там же, стр. 20—27.